

Та зелёная жемчужина не взорвалась немыслимой мощью, как можно было ожидать. Вместо этого она мгновенно превратилась в густой, нерассеивающийся зелёный туман, источающий сладковатый запах гнили.

Словно живой, этот туман не поднялся вверх, а прилип к самому дну пруда, стремительно расползаясь и закручиваясь спиралями. Он просачивался тончайшими нитями в донный ил, отравляя подземные воды и безмолвно начиная разъедать фундамент всего монастыря Линъинь.

В то самое мгновение, когда жемчужина обернулась дымом, Инь Хуань вздрогнула всем телом. Небывалое, болезненное «блаженство» разлилось по её венам.

Язвенная боль, мучившая её день и ночь, вдруг отступила, словно морская волна. На смену ей пришло странное оцепенение и лёгкость, будто все недуги разом испарились.

— Прошло! Действительно прошло! Повелитель не обманул меня! — она была вне себя от радости, готовая пуститься в пляс на дне пруда.

Однако всё это было лишь проявлением более изощрённой иллюзии и парализующего заклятия, наложенного на неё «Чэнь Ляном». На том уровне, который она не могла ощутить, зелёная зараза неистово пожирала её тело, служившее «сосудом». Гниение не прекратилось — напротив, оно ускорилося: плоть словно рвалась и растворялась под воздействием невидимых рук, обнажая зловещие белеющие кости и источая невыносимый смрад.

А первоисточник чумы, подобно капле туши в чистой воде, бесшумно распространялся в самом сердце священной обители. Первыми, кто столкнулся с отравленной водой, стали, возможно, резвившиеся в пруду рыбы, или травы и деревья, впитывавшие силу земли, а может быть... кто-то из монахов, пришедших утром за водой.

Энергия демонов рассеялась, оставив в лесу лишь тяжёлый запах крови и мертвенную тишину. Чжоу Тяньэ медленно вышла из тени, её подол скользил по траве, окроплённой кровью. Она подошла к пугающей луже крови и остановила взгляд на золотистой рыбке, что лежала там, утратив былой блеск, с тусклой чешуёй и едва заметной искрой жизни. Это был Е Цин, вынужденный принять свой истинный облик.

В обеих жизнях — лишь пушечное мясо.

Впрочем, у него было то, что ей нужно — половина чешуйки дракона.

Присев на корточки, она протянула ладонь, белую и нежную, как нефрит. Над ней заплесало призрачное сияние, мягко окутавшее умирающую рыбу. Забирать что-либо у мертвой рыбы и у

живой — результат выходит совершенно разный.

— Дарю тебе крупицу жизни. А эту половинку чешуи я забираю.

От влитой Чжоу Тяньэ духовной энергии тусклая чешуя на глазах обрела слабый блеск, а жабры едва заметно шевельнулись. Е Цин с трудом приоткрыл глаза; в затуманенном зоре мелькнуло размытое лицо. Он хотел что-то сказать, но из его рта вырвалась лишь цепочка мелких пузырьков.

Чжоу Тяньэ подняла его и, дойдя до ближайшего чистого ручья, бережно опустила в воду.

— Ступай.

Ручьевая вода была холодной, смывая с его израненного тела грязь. Е Цин изо всех сил забил хвостом и оглянулся. Крупная капля, смешанная с кровью и слезами, скатилась с глаза рыбы, растворяясь в бегущем потоке.

Госпожа Чжоу, благодарю вас.

Больше не колеблясь, он, собрав последние силы, поплыл по течению в сторону большой реки.

Эта зелёная жемчужина...

Её лицо стало суровым. Эта вещь не несла в себе ничего доброго.

Тем временем расследование внутри резиденции уездного начальника шло полным ходом. Благодаря силе чиновников и сведениям, которые Чжоу Тяньэ передавала по тайным каналам, удалось быстро собрать и обобщить данные о сомнительных событиях в монастыре Линъинь, а также о связях некоторых монахов с неизвестными сущностями. Если бы не это, обычным стражникам потребовались бы долгие месяцы на сбор информации.

Уездный начальник, просматривая предварительные записи, хмурился. Дело касалось не только неподобающего поведения монахов — всё указывало на скрытую угрозу, выходящую за рамки естественного. Особенно если вспомнить недавний инцидент с его супругой и последовавшие за ним ночные кошмары — это заставило его отнестись к делу со всей серьезностью.

— Установить строгий надзор за монастырем Линъинь, особенно за теми, кто входит и выходит,
— отдал он суровый приказ.

В эти дни в аптеках городка Хуатянь не было свободного места, а у лавки Цзичуньтан с раннего утра до позднего вечера выстраивались длинные очереди. Симптомы пациентов были пугающе одинаковыми: сначала сильная сонливость, затем пронзительная боль в суставах, будто кости сверлили изнутри, а после на коже появлялись странные красные пятна и волдыри, которые стремительно гноились, источая жуткий запах смеси разлагающейся плоти и рыбьей гнили.

Линь Шуан, скрыв лицо за вуалью, хмурилась, тщательно прощупывая пульс у каждого больного. Она расспрашивала крайне подробно:

— Не ели ли вы в последнее время чего-то нечистого? Не контактировали ли с больными? Или, быть может... посещали какие-то необычные места?

Измощённые, бледные, полуживые от боли сельские жители в основном лишь растерянно качали головами, отвечая слабыми голосами:

— Доктор Чжоу... мы люди простые, едим только то, что сами вырастили, да пьем из колодца...

— Ни с кем не контактировал... просто почувствовал слабость, а потом...

— Если говорить об особом... разве что несколько дней назад ходили в монастырь Линъинь за талисманом на удачу.

Вода с талисманов Линъинь!

Взгляд Линь Шуан стал острым. Она прекрасно знала, что большинство талисманов, которые монастырь выдавал прихожанам — это просто обычная желтая бумага. Иногда их пропитывали успокаивающими травами, которые после сжигания растворяли в воде — вреда они не приносили, но и пользы тоже, разве что для самоуспокоения. Но в этот раз... симптомы были слишком опасными и жуткими, простая бумага не могла их вызвать!

Верно, та зелёная жемчужина! Она мгновенно связала всё воедино.

Она быстро отдала распоряжение помощнику:

— Ступай, возьми из кладовой те несколько видов трав, что изгоняют сырость и яды, снимают жар и очищают от скверны. Сварите в большом котле крепкий отвар, раздайте сначала тем, чьи симптомы легче, нужно стабилизировать их состояние.

Помощник послушно бросился исполнять приказ. Линь Шуан прошла в задние покои и, глядя на богатый выбор трав в шкафах, погрузилась в тяжелые раздумья. Её рецепты могли лишь временно облегчить страдания, но не исцелить. Нужно было найти средство, бьющее точно в цель.

Узнав о том, что лавка Цзичуньтан бесплатно раздаёт отвар, количество пациентов там лишь возросло. Находчивые родственники больных начали переговариваться, и всплыл пугающий общий факт: все тяжелобольные в последнее время посещали монастырь Линъинь — кто за талисманом, кто с благовониями.

— Это Линъинь! Это всё из-за храма!

Кто-то выкрикнул это, и искра мгновенно раздула пламя накопившегося страха и гнева. Боль от потери близких и страх за собственную жизнь выплеснулись в яростные обвинения против обитатели. Толпа возбужденных горожан, подобно прорвавшей плотину воде, хлынула к уездному управлению. Они требовали, чтобы начальник нашел виновных и указал источник бедствия.

Слухи о том, что монастырь Линъинь торгует обрядами и потворствует злым духам, докатились и до богатых дворов семьи Би.

— Всё изменилось! Совсем изменилось! — Фан Хун тыкала пальцем в изможденную Чжуан Хунсин, её голос неприятно визжал. Она подстрекала Би Пананя и госпожу Би: — Посмотрите на неё! Разве она была такой красавицей, когда только вышла замуж? А теперь? Эти шрамы на лице, этот голос, как у старой жабы! А то, как она тогда буквально с ума сходила, желая выйти за него? Если за этим не стоит злая магия монахов из Линъинь, пусть мне голову отрубят!

Слушая эти режущие слова, Чжуан Хунсин гладила неровные шрамы на своем лице, а в памяти всплывали картины прошлого. Уродство и равнодушие Би Пананя, жестокость свекрови, козни невесток, побои и унижения, которые она терпела в этом доме...

Чувство, в котором смешались обида, раскаяние и небывалая ясность, хлынуло в её сознание подобно лаве!

Верно! Это тот монах Цзигун обманул меня! Он с помощью магии показал мне призракный сон, но забрал мой голос и толкнул в эту огненную яму! Всё, что я вышла за неподходящего человека и страдаю — это его рук дело!

К черту всё! Она больше не останется в этом логове дьявола!

Пока семья Би продолжала спорить, Чжуан Хунсин наскоро собрала немного вещей. Я вернусь домой! Я пойду к матери!

Не обращая внимания на проклятия и попытки помешать, она, словно сбегая из ада, выскочила из поместья Би.

Госпожа Чжуан, увидев дочь с растрепанными волосами, в шрамах и рыдающую о нечеловеческих страданиях в доме Би, хотя и сердилась на её прежнее легкомыслие, всё же испытала материнскую боль. А услышав о том, что та была околдована магией Линъинь,

вспомнила, какой странной казалась ей тогда эта свадьба, и вспыхнула от ярости.

— Жаловаться! Нужно подать жалобу на этого монаха-демона! Вернуть моей дочери справедливость, а нашей семье — доброе имя! — твердо заявила она, обнимая дочь.

Тем временем в доме Би сам Би Панань, лежа в постели, всё думал, как же он прогадал. Столько подарков потратил, а получил изуродованную обузу — во всём виноват монастырь, что так неудачно «соединил их судьбы»!

— Жаловаться! Подать жалобу на Линъинь! Пусть возмещают убытки дому Би!

Госпожа Би, глядя на жалкий вид сына, тоже закипала от ненависти, считая свою семью главной жертвой.

И вот, в этот день у входа в управление городка Хуатянь воцарился небывалый хаос. С одной стороны — разъяренные семьи больных и простолюдины, требовавшие расследовать источник чумы. С другой стороны — госпожа Чжуан, приведшая полубезумную, рыдающую Чжуан Хунсин. И госпожа Би, слуги которой на носилках принесли стонущего Би Пананя. Две семьи прибыли одновременно и, ударив в барабаны, потребовали правосудия, указывая прямо на монастырь Линъинь!

— Сиятельный судья! Моя дочь жалуется на надзирателя Гуанляна из монастыря Линъинь! Он, прикрываясь именем Будды, собирал взятки, манипулировал судьбами людей и погубил жизнь моей дочери!

— Сиятельный судья! Мой сын жалуется на монаха Цзидяня из Линъинь! Тот использовал злую магию, помутил рассудок людей, разрушил брак моего сына, подверг его смертельной опасности! Прошу наказать демона и возместить ущерб!

Чжуан Хунсин рухнула на пол в зале суда и, сорвав голос, сквозь слёзы описывала, как её «околдовали», как она потеряла голос, как была изуродована и как терпела мучения. Она приподняла вуаль, обнажив лицо в старых и новых шрамах как неоспоримое «доказательство». Толпа за дверями управления громко выкрикивала обвинения, связывая эпидемию с водой из Линъинь, и эти панические настроения ворвались в зал суда!

Судья, восседавший на своем месте, смотрел на рыдающую Чжуан Хунсин, на гневные семьи Чжуан и Би, слушал крики людей о чуме и вспоминал собранные ранее подозрения о том, что монастырь Линъинь потворствует нечисти. Его лицо потемнело, словно грозовая туча.

Славный монастырь Линъинь! Славный Будда Цзигун! Собирать деньги, дурачить народ, потворствовать демонам, а теперь ещё и принести чуму, губящую всё живое! Каждое преступление — против небес!

Он с силой ударил по судейскому столу, так что задрожали перекрытия, перекрывая шум в зале:

— Тихо! Стража! Немедленно отправляйтесь в монастырь Линъинь! Схватить монахов Гуанляна и Цзидяня! Я лично допрошу их и узнаю, сколько же грязи и скверны скрывает эта «святая обитель» и как именно они навлекли на нас эту страшную беду!

Стражники, получив приказ, словно голодные волки, вылетели из управления и бросились к монастырю Линъинь.

Внутри монастыря Линъинь Цзигун больше не был похож на того весельчака, каким его знали. Лицо его было суровым, вокруг струился свет Будды, подобный палящему солнцу, пытаясь развеять ядовитую зеленую дымку, сочившуюся со дна пруда. Золотой свет и зеленое сияние яростно сталкивались над храмом, поглощая друг друга и издавая неприятный зудящий звук.

— Ами табха! Откуда же взялась эта чертовщина?! — Цзигун вкладывал все силы в заклęcia, но в сердце его поселилось сомнение.

Поставленный им барьер должен был сдерживать нападение, почему же тогда зараза прорывается прямо из самого сердца монастыря? Однако, хотя его дхармические силы и могли временно сдерживать концентрацию яда, они не могли искоренить источник загрязнения, уже глубоко вросший в жилы земли. Хуже того, он отчетливо чувствовал, как эта отвратительная зеленая аура, словно тысячи ядовитых змей, бесшумно расползается по подземным водам за пределы монастыря.

Близился полдень. Во многих домах городка Хуатянь и даже в дальних селениях поднимался дымок — люди готовились к самому главному приему пищи.

— Бабушка, я сегодня поймал свежей рыбки, сварим суп!

— Муж, я приготовила твое любимое мясо в красном соусе, сегодня нужно выпить за обедом!

В чайной рассказчик ударил деревянным брусом по столу, посетители наполнили чашки, предвкушая историю. Никто не знал, что вода из их колодцев, вода, в которой они мыли рис и овощи, и даже вода для супа, уже была пропитана ядом из Линъинь. Сама по себе эта зараза не передавалась по воздуху, она проникала через саму основу жизни — воду.

Первыми неладное почуяли обитатели водоемов. В реках и ручьях мириады рыб и креветок всплывали брюхом кверху, испуская странный смрад. Скот, пивший у берега, тоже становился беспокойным, пуская пену изо рта.

Повелитель этих вод, Ао Цзилун, первым ощутил ненормальное загрязнение водной артерии. Он потратил немало сил, пытаясь очистить воду, но результат был ничтожен. Когда он сосредоточился, чтобы отследить источник скверны, его духовное чутье указало прямо на Линъинь!

— Монастырь Линъинь?! Как такое возможно?!

Стражники, посланные за монахами, едва достигли ворот монастыря, как их сбило с ног зловоние, в котором смешались гниль и приторная сладость.

— Это... что за гадость?! — глава стражи, сдерживая рвоту, приказал прорываться внутрь.

Но едва они переступили порог, как густая зараза нашла новых хозяев. Стражники тут же почувствовали невыносимую слабость, резкую боль в суставах, а в глазах потемнело.

— Плюх! Плюх! — элитные стражники падали один за другим, словно срубленные деревья. Кашель, рвота, гниющие участки кожи... в одно мгновение они испытали те же страдания, что и простые люди.

— Отступать! Назад в управление, здесь что-то не так!

В городе Чжоу Тяньэ провела пальцем по странице медицинского справочника, вобравшего в себя мудрость трех миров. Страницы зашелестели сами собой и остановились на древнем рецепте под названием Отвар очищения от чумы. Состав трав был безупречен — это было именно то, что нужно для борьбы с этой жуткой эпидемией!

Медлить было нельзя. Она немедленно отправилась к уездному начальнику. Но в управлении царила атмосфера скорби. Сам начальник сидел, прислонившись к спинке кресла, дышал слабо, а его жена уже лежала в постели — у обоих проявились первые признаки болезни!

— Госпожа... Чжоу... — начальник с трудом поднял руку и пододвинул тяжелую чиновничью печать к Линь Шуан. Голос его прерывался, но в нём слышалось непреклонное доверие: — Я... и моя жена... вряд ли выстоим. Сейчас... кроме вас никому! Эта печать — вам. Все людские и материальные ресурсы города... в вашем распоряжении! Спасите... спасите людей...

Линь Шуан приняла печать, сохранившую тепло его руки; она показалась ей холодной и тяжелой.

— Я сделаю всё, что в моих силах!

Она глубоко поклонилась и, не теряя времени, принялась за дело. Сначала она собрала всех стражников, которые ещё не пили сегодня воды и были достаточно здоровы, а также добровольцев из числа горожан. Встав на спешно сколоченном помосте, она, хоть и была под вуалью, заговорила голосом, в котором чувствовалась странная, успокаивающая сила:

— Люди! Чума пришла, но паника не поможет! У меня есть рецепт, но нам нужны общие усилия! Все, кто может двигаться, делятся на два отряда: первый — со мной, строить очаги для приготовления лекарства; второй — немедленно собрать по списку все травы из аптек и кладовых. Если кто откажется — пусть печать управления станет доказательством, забирайте принудительно!

Приказ был ясен и логичен. Обезумевшая от страха толпа словно обрела опору и немедленно пришла в движение. Стражники, преодолевая болезнь, руководили крепкими мужчинами, устанавливавшими огромные котлы на пустой площадке перед больницей Цзицыюань. Затрещали дрова, пламя разгоняло холод и страх.

Все сотрудники больницы — врачи, ученики, уборщицы, даже дети, знавшие основы травничества — взялись за дело. Дети таскали вязанки дров, старики сидели в стороне, тщательно сортируя и промывая поступающие травы. Чжоу Тяньэ сама встала у самого большого котла, контролируя порядок добавления ингредиентов. Она работала точно и сосредоточенно, не замечая капель пота на лбу.

Густой лекарственный аромат начал распространяться в воздухе, вступая в борьбу с едва уловимым зловонием чумы.

— Первую партию отвара — тяжелобольным! Кто может пить сам — пейте, кто нет — заливайте силой! — распорядилась она, следя за огнем. — Помните, этот отвар не вылечит мгновенно, но облегчит боль и остановит ухудшение! Если мы удержим их, у нас будет время собрать больше трав и создать лучшее лекарство!

В котлах бурлил темно-коричневый отвар, несущий надежду всему городу. Миску за миской подносили больным. Удушливый кашель стих. И когда температура у лихорадящих начала падать, в отчаянии начало зарождаться чудо.

Сначала — едва заметные искорки. Дряхлый старик, который был при смерти, после отвара сделал глубокий вдох, и в мутных глазах блеснула искра жизни. Когда он посмотрел на дымящийся котел, а затем на занятую делом фигуру у котла — тончайшая, тоньше волоска, но теплая и чистая золотая пылинка, подобная светлячку, выпорхнула из его межбровья и, дрожа, неуклонно полетела к Чжоу Тяньэ.

Затем их стало больше. Стражник, вытщенный с того света, с трудом сложил руки в благодарности, и из него поднялась золотистая нить. Мать, плачущая от облегчения, видя, как ребенку стало легче — её надежда и благодарность превратились в мягкие искры. Даже те, кто просто поддерживал порядок — при виде этого зрелища в их сердцах рождались вера и надежда, превращаясь в свет.

Сначала это были одинокие вспышки, затем — поток, а в итоге, казалось, начался безмолвный, теплый золотой дождь! Мириады крошечных, как пыль, но содержащих чистейшую волю и жизненную силу золотых точек поднимались от каждого исцеленного, от каждого, кто чувствовал благодарность, от каждого, кто увидел надежду.

<http://bllate.org/book/21973/2282995>